

Новые стихи

Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ, Саулкрасты (Латвия)

О ТОЙ ВОДЕ

* * *

о чём бы я ни говорила — я говорю о той воде,
что навсегда перед глазами: то в пару пальцев тонкий слой,
то поднимается до неба — и это худшее со мной —
с моих восьми (водораздела) — на безнадёжно-каждый день.

о чём бы я ни говорила — вы прочитаете вторым:
перед собой и перед миром — я вижу зыбь, я вижу муть.
и как мне доверять и верить — кому-нибудь и в чём-нибудь,
и как мне вспомнить, крепко вспомнить — что было прежде, до поры.

ведь было: домик-развалюха на — сколько? — несколько семей.
и одичавшие котята — поди пушистого поймай! —
я помню: оцарапал руку, я помню: скрылся за сарай.
квадратный прудик и пролеска, а со двора одна не смей.

и мост, а рядом с ним — болото, и в лужу боязно смотреть:
она так странно отражает всей ржавчиной — моё лицо.
и на ветру — так слишком живо застиранное бельецо.
и я улитку раздавила — и поняла, что это смерть.

и переезд в свою квартиру, и дядя запирает в шкафу,
и я почти не сплю без света, а бабушка умрёт в грозу,
и папа вновь уходит в море: смотрю да волосы грызу,
ночует мама на работе — и думает, что я живу.

а после — пионерский лагерь, кругом чужая ребятня,
я просто через лес бежала — уже не вспомнится, куда.
и просто заложило уши — но я увидела: вода.
и с той поры — не оставляет — она меня.

* * *

старая песня души и тела:
«летом, наверное, станет лучше».
белая крона большой котельной
всё норовит прорасти сквозь тучи.

город весною — резкий и бóльный.
нет, это мне — устало и нервно.
на барабане играет школьник,
в кепке лежит одинокий евро.

лишь бы скорее расцвёл шиповник
да потеплело, смиряясь, море!
можно, я прямо сейчас распомню,
как я весны ожидал зимою?

сколько до лета — с кострами, баней,
тёмной сиренью да львиным зевом?
...школьник играет на барабанах.
смотрит в него переход подземный.

* * *

прихожу в магазин за куклой, за новым платьем,
останавливаюсь: а если завтра случится,
если надо будет спастись, а денег не хватит,
кто я буду? — ага, тупица.

и одёргиваю себя — и платья перебираю,
эти мысли перебираю, ну сколько можно,
вероятности рассыпаются пёстрой стаей,
говорю себе: стоп. говорю: это так, тревожность.

и приходит — словно слабость чужую унюхал.
ты так любишь страдать, понимаю, — *мне* говорит, — но
прекрати, соберись, тряпка, отставить разруху,
как тебе не стыдно? вот мне за тебя стыдно.

а со мной, — утверждает, — будет намного легче,
я люблю тебя, — уверяет, — так — очень-очень.
и подходит — *светлый ласковый человечек*,
норовит урвать от меня кусочек.

кот приходит (я плачу), внимания просит басом.
на колени садится (я плачу), щекочет лицо усами.
вопрошает: мррф? — «сколько можно так убиваться?» —
и за волосы больно кусает.

что бы ты понимал, сиамская твоя морда?
всей-то жизни: гонять соседа, драть занавески —
и никто не спросит тебя, породистого милорда,
не найти ли тебе экзорциста — изгнать беса.

сон приходит — из раннего детства, старого дома:
рёбра зеркала мелкие радуги рассыпают,
янтарём застывает вечер — и я ничего не помню.
(смерть такая? — солнечная, густая?)

превратиться в атласную ленту — из острой спицы,
опуститься на пол дощатый в витражное солнце.
больше всего я хотела бы исцелиться,
ни хера мне не удаётся.

